

**Тарасенкова Т.И.,
директор Государственного архива Смоленской области**

Смоленск в революциях 1917 года

В 2017 г. отмечается 100-летие революционных событий. В современной исторической литературе эти события нередко объединяются в единый и непрерывный революционный процесс, охвативший страну в 1917 г. Но, несомненно, 1917 год по-прежнему остается переломной эпохой в российской истории. Общество, которое на протяжении столетий отличалось стабильностью и консерватизмом, в течение короткого времени претерпело кардинальные изменения и нацелилось на проведение социалистических экспериментов.

Октябрь 1917 г. традиционно заслонял собой другое, не менее значительное событие – Февральскую революцию. В феврале 1917 г. свершилось то, о чем мечтали многие – пало самодержавие. Революция оказалась неожиданной для всех. События в Петрограде развивались стремительно. Но в других городах страны о переменах в столице узнавали не сразу.

Развитие событий в регионах, в частности, в Смоленской губернии, отличалось от того, что происходило в столице. Революционный процесс в Смоленске в 1917 г. частично представлен в документах Государственного архива новейшей истории Смоленской области.

Это воспоминания участников и свидетелей событий, записанные в более позднее время – в основном в 1927 и 1957 гг. Они сохранили отпечаток идеологического подхода в освещении различных явлений и фактов, когда на первое место ставилась роль большевиков и оценивалась именно их деятельность, даже если это не всегда соответствовало действительности.

Воспоминаний о февральской революции и об отклике на нее в Смоленске в архивных документах немного. Среди них – материалы очевидца и в некоторой степени участника событий Николая Георгиевича Буркина, работавшего в 1920-е гг. в Смоленском губернском комитете ВКП(б) секретарем отдела по изучению истории коммунистической партии.

Н.Г. Буркин в начале 1917 г. служил в Смоленске в составе запасного саперного полка. По его словам, городские власти и командование полка уже 1 марта знали о произошедших в Петрограде переменах [1]. Но на почте и телеграфе был установлен строгий контроль, чтобы скрыть новости от населения. Власти рассчитывали, что восстание в столице будет подавлено и в Смоленске удастся избежать волнений горожан [3, л. 8-9].

Только 4 марта местная газета «Смоленский вестник» рассказала о последних событиях в столице. Но уже 3 марта в городе знали о победе революции благодаря пришедшим утром столичным газетам. Вот каким запомнился тот день, 3 марта 1917 г., Николаю Буркину: «Помню ясное мартовское утро. Сразу после подъема и завтрака нас, солдат саперной учебной команды, построили перед казармой и повели через город на стрельбище...

Все шло по давно заведенному порядку. Но, возвращаясь в город, мы увидели что-то необычное. Никакого праздника как будто не было, а между тем на улицах много народу, повсюду радостные лица, люди куда-то спешат, о чем-то оживленно разговаривают. Мы идем военным строем, с винтовками на плечах, ни останавливаться, ни разговаривать с посторонними лицами нам не положено. Но и без разговоров было ясно: что-то случилось...» [3, л. 7].

Уже в казарме солдаты узнали о том, что в Петрограде восстали рабочие и солдаты, свергли царское правительство, что Николай II отрекся от престола и теперь в столице создано новое правительство.

Военное начальство – начальник саперной команды, офицеры, фельдфебели исчезли, опасаясь расправы со стороны солдат. Остаться в казарме было невозможно, и солдаты решают отправиться в город.

«По пути в город, т.е. по направлению к мосту через Днепр, где-то на середине улицы, мы задержались: мы шли арестовывать генералов, а они сами пожаловали к нам. На улице появилась машина с командующим Минским военным округом генералом Рауш фон Траубенбергом. Его тут же окружили и разоружили. Он беспомощно озирался кругом. В это время из толпы к генералу стремительно бросился с винтовкой наперевес какой-то разъяренный солдат. Одного мгновения было достаточно, чтобы штык вонзился в генеральскую грудь. Но солдата схватили за руки и плечи, и кровавая расправа была предотвращена. Генерала быстро посадили в кузов стоявшей рядом грузовой машины. Там уже был кто-то из арестованного начальства. По пути к центру города ещё кого-то арестовывали и сажали в грузовик. Арестован был в это время также губернатор Суковкин [2] и вице-губернатор Фере. Представители старой власти старались скрыться, спрятаться. Их находили, забирали, отправляли в центр, к городской управе, а оттуда – в тюрьму. Полицейские с улиц исчезли, а если и были, то переодетые в гражданскую одежду. Никакого организованного сопротивления старая власть не оказала: слишком единодушен был революционный порыв людей, чтобы ему можно было противостоять» [3, л. 9].

В тот же день из тюрьмы освободили политических заключенных. Николай Буркин был свидетелем того, как по Пушкинской улице (ныне ул. Ленина) сквозь толпу солдат и рабочих медленно двигался грузовик, в кузове которого сидели и стояли люди в арестантских халатах. Грузовик прошел мимо памятника М.И. Глинке и остановился на углу Блонье, напротив здания городской думы. Из группы людей, находившихся в нем, поднялся худой и изможденный человек с очень бледным лицом и совершенно белыми волосами и начал что-то говорить. Это был В.З.Соболев. Именно его речь, по словам Н.Г. Буркина, стала наиболее яркой и запоминающейся.

Если в марте 1917 г. выступление против старой власти объединило представителей разных политических партий в Смоленске, то в дальнейшем начинается процесс поляризации политических сил, конкретизации ими своих партийных целей и задач.

Управление губернией перешло в руки председателя губернского земского собрания А.М. Тухачевского, который стал губернским комиссаром

Временного правительства. В марте 1917 г. в Смоленске был сформирован городской исполнительный комитет [2, л. 10] из представителей городской думы, социалистических партий, общественных организаций, лиц свободных профессий и рабочих. Вокруг его состава с первого же момента разгорелся политический конфликт. Споры на местах о «демократизации» городской администрации продолжались весь март и апрель и завершились созданием «демократического» городского Временного исполнительного комитета, в котором доминировали эсеры.

В мае и июне арена политического конфликта переместилась на губернский уровень и последовали призывы к демократизации губернского исполкома. Эта борьба завершилась созданием эсеровского губернского исполкома и выборами на должность губернского комиссара эсера С.Д. Ефимова. В июне 1917 г. власть в Смоленске полностью оказалась в руках эсеров и меньшевиков, которые с самого начала преобладали в Смоленском совете рабочих и солдатских депутатов. На июльских выборах в городскую думу «социалистический блок» эсеров, меньшевиков и союзных с ними партий одержал победу, собрав подавляющее большинство голосов [6, с. 57].

Это был период наибольшей популярности меньшевистской и эсеровской партий, причем больше всего сторонников имели эсеры, ориентировавшиеся в своих программных документах на крестьянское население. Если к осени 1917 г. большевиков в Смоленске насчитывалось около 200 человек, сторонников меньшевиков было немного меньше, то в состав эсеровской организации входило не менее 600-700 человек [2, л. 3, 7].

Однако к концу сентября 1917 г. народная поддержка умеренных эсеров и меньшевиков пошатнулась и многочисленные рабочие и солдаты, отошедшие от блока социалистов, повернулись к большевикам и их союзникам. «Левые социалисты» получили более значительную поддержку в Смоленском совете, а внутри их партийных организаций левые меньшевики и левые эсеры стали серьезно претендовать на руководство. К середине октября большевики и их союзники получили почти половину мест в Смоленском совете и контролировали решение большинства политических вопросов [6, с. 58].

Радикальные перемены в политических взглядах населения были вызваны постоянным ухудшением повседневных условий жизни. В конце июля 1917 г. «Смоленский вестник» писал, что в Рославле «крестьяне сильно ропщут на отсутствие в продаже многих нужных им предметов, а также на высокие цены вообще... Продовольственный кризис делает свое дело. По отзывам с мест, нынешний урожай плох. Едва ли собственного хлеба в Рославльском уезде хватит до весны... Естественно, что последствием этого явится вздорожание хлеба» [1, л. 26]. Спустя месяц та же газета сообщала, что в августе в Смоленскую губернию должны были прибыть 420 вагонов ржи и ржаной муки и 80 вагонов пшеничной муки. Но к 20 августа получено только около 60 вагонов ржи, и этого «совершенно недостаточно для удовлетворения потребности городов и сельского населения, не занимающегося сельским хозяйством» [1, л. 54].

Вяземский уездный продовольственный комитет телеграфировал Смоленскому губпродкому, что в уезде начались голодные бунты. Сычевская уездная продовольственная управа сложила с себя полномочия после того, как голодной толпой был избит до полусмерти председатель управы. К моменту октябрьского переворота губерния располагала запасами продовольствия всего на несколько дней. Пайки для населения были доведены до голодной нормы, а для солдат снижены наполовину [2, л. 5].

В сложившейся обстановке обещания большевиков наладить хозяйственную жизнь страны и побороть продовольственную разруху звучали для населения особенно привлекательно. Но условий для захвата власти большевиками в Смоленске не было. Известие о большевистском перевороте в Петрограде местными властями было воспринято негативно.

26 октября на экстренное заседание собралась смоленская городская дума. Она выпустила воззвание к населению: «Граждане, отечество гибнет! Большевики и анархисты хитрыми ложными посулами увлекши за собой малосознательные массы, подняли восстание против единственной законной власти, власти Временного правительства. Они ставят свою волю, волю кучки безумцев – выше воли всего народа. Бунтовщики захватили вооруженной силой правительственные учреждения. ...Мы, законные избранники ваши, призываем всех сплотиться вокруг думы и Временного правительства, чтобы дать отпор безумным и сознательным врагам родины и революции» [2, л. 13].

В тот же день, 26 октября, на заседании городского совета меньшевики и эсеры потребовали принять резолюцию, порицающую выступление в Петрограде. Резолюция не была принята. Тогда меньшевики и эсеры покинули заседание и совместно с комиссаром Галиным и казачьими офицерами организовали «Комитет спасения», разместившийся в здании городской думы. После их ухода был создан военно-революционный комитет их представителей большевиков, левых эсеров и анархиста. Председателем ревкома стал С.С. Иоффе, прибывший в Смоленск по решению московского областного комитета РСДРП(б), чтобы возглавить местную большевистскую организацию и осуществить захват власти в городе [4, л. 4].

Октябрьские события 1917 г. в Смоленске описаны в большом количестве источников мемуарного характера. Многие из них специально собирались в 1927 г., когда отмечалось десятилетие октябрьского переворота. В советское время большинство документов, в первую очередь воспоминания большевиков, были изучены и опубликованы, тогда как воспоминания членов других партий оставались незамеченными. Среди них - воспоминания лидера смоленских меньшевиков Семена Ефимовича Гальперина, возглавлявшего в 1917 г. городской совет рабочих и солдатских депутатов. Находясь в центре событий, он видел растерянность смоленских большевиков, оказавшихся перед фактом петроградского переворота.

27 и 28 октября на заседании исполкома городского совета большевики, на вопрос о том, собираются ли они по образцу Петрограда взять власть и разогнать думу в Смоленске, никакого ответа не дали. Но и потенциальные противники большевиков тоже находились в нерешительности.

«Справедливость требует отметить, - писал С.Е.Гальперин, - что меньшевики не только не готовились к какому-нибудь физическому отпору на случай возможного столкновения, но ни на одном своем собрании даже не пробовали ставить таким образом вопроса. Мы чувствовали, что наше влияние на жизнь города и его дальнейшую судьбу уходит, что масса перестала нас слушать и движется какими-то своими особыми путями, но как повернуть её в другую сторону и поставить на желательный нам путь, мы не знали» [5, л. 85].

Положение изменилось 29 октября. Совет потребовал перевыборов председателя, и меньшевика С.Е. Гальперина сменил на этом посту большевик С. Самовер. В городе появились слухи о столкновениях между Временным правительством и захватившими власть большевиками, о столкновениях в Москве и других городах. Смоленский совет начал вооружаться. В любой момент можно было ждать случайного столкновения. В это время в городе остановился на отдых отряд казаков, возвращавшихся домой с Западного фронта. Тогда кто-то из членов Думы предложил использовать его, чтобы сохранить в Смоленске порядок и дожидаться решения вопроса о власти в стране.

Из представителей всех партий, кроме большевиков, был создан «Комитет общественной безопасности». Казаки разместились во дворе Думы и окружили губернаторский дом, в котором заседал новый совет. Им дали распоряжение не стрелять, а лишь задерживать и препровождать арестованных в здание думы. Вдруг около 12 часов ночи 30 октября раздалось два оружейных выстрела и посыпалась дробь пулемета. С.Е. Гальперин находился в это время недалеко от думы и, услышав выстрелы, направился к ней.

«Все помещения думы были набиты людьми, - вспоминает он, - происходили какие-то заседания, среди штатских мелькали одинокие и характерные фигуры казачьего полковника и его офицеров. Никто не знал, что надо предпринимать дальше, какой тактики держаться. Орудийная стрельба произвела смятение. Один из снарядов угодил в угол крыши думы, сорвал ее и разбил окна, а во дворе думы ранил несколько казаков. Второй снаряд упал на Благовещенской (ныне Б.Советской) улице... Из орудий стреляла артиллерийская батарея, расположенная за городом и, как нам было известно, перешедшая на сторону большевиков» [5, л.87].

С.Е. Гальперин вызвался поехать в казармы артиллеристов, чтобы уговорить их прекратить стрельбу. Сопровождал его С. Самовер, задержанный незадолго до этого казаками при выходе из здания Совета. До казарм они добрались около часа ночи. Их сразу же окружила толпа солдат. «Присматриваясь к ним, - писал С.Е. Гальперин, - я все больше убеждался в трудности своей добровольной миссии... Лица у всех воспаленные, глаза блестят, в руках – винтовки... Первым возник вопрос о том, что делать со мной, - отпустить или расстрелять. Сторонников второго предложения было огромное большинство... Я сел на стол, закурил папиросу и попросил слова. Мне дали его. Трудно сказать, что действует в подобных случаях на психологию толпы: какой незаметный штрих в речи, пауза, случайный жест, или, может быть, толпа принимает свое решение, повинуюсь каким-то особым законам

волеобразования и волеизъявления... Помню только как я, стараясь сохранить внешнее спокойствие.., говорил о том, что гнев артиллеристов по существу справедлив, и в думе действительно могут быть контрреволюционеры, ...но мирное население города ни в чем неповинно, поэтому они должны дать слово больше не стрелять» [5, л. 89].

Артиллеристы согласились установить перемирие на два часа, но с условием: в окруженном казаками Совете остался их депутат, и С.Е. Гальперин должен был найти его и привезти в расположение батареи.

Вернувшись в думу и доложив о результатах поездки и достигнутом соглашении, С.Е. Гальперин направился к зданию совета. Оно было погружено во мрак и в нем не было заметно никакого движения. Впустили его не сразу, опасаясь провокации. «В коридорах всюду были люди, слышался их шепот, но в темноте ничего нельзя было разглядеть, - вспомнил С.Е. Гальперин. – Я попросил зажечь электричество... Все были без всякого преувеличения на смерть перепуганы, и скрыть этого нельзя было, да никто и не пытался... Из расспросов оказалось, что многие уже по два дня ничего не ели, т.к. выйти из совета не решались, и не спали, ожидая с минуты на минуту приступа казаков...

Представитель артиллеристов оказался здесь в совете. С.С. Иоффе вызвался сопровождать нас в казармы батареи. Было начало пятого часа утра. Отряд казаков к этому времени был снят с Блоньи распоряжением их полковника, недовольного своим вынужденным бездействием и всем ходом событий... Когда я вернулся в думу, было 6 часов утра... Оказалось, что во всем здании думы не было ни души. Как-то сразу стали заметными пустые кровати, расставленные по стенам большой думской залы, разбитые оружейными выстрелами окна и кучи бумаг, теперь никому не нужных» [5, л. 92-93].

Так завершилось в Смоленске противостояние большевиков и оппозиционных им политических сил. Ни одна из сторон не одержала победу, поэтому вскоре между ними было заключено соглашение о создании «Комитета общественной безопасности». В комитет вошли представители разных общественно-политических организаций: четыре депутата совета, по два человека от думы, исполкома губернского совета крестьянских депутатов и окружного комитета Минского военного округа, по одному - от губисполкома, железнодорожников, почтовых чиновников, центрального бюро профсоюзов, партий большевиков, меньшевиков, эсеров и «Бунда» [2, л.16]. Но коалиционные органы власти просуществовали недолго. Важную роль в их исчезновении сыграло повсеместное укрепление советской власти. И уже в декабре 1917 г. в Смоленске был образован свой совет народных комиссаров во главе с председателем и одновременно комиссаром по управлению губернией Е. Разумовым.

В воспоминаниях, сохранившихся в фондах ГАНИСО, можно отметить одну важную деталь – никто из авторов не писал об участии смолян в революционных событиях. Горожане оставались в стороне от революционного процесса, они являлись скорее наблюдателями событий. И если в феврале 1917 г. смоляне с радостью встретили известия о произошедшем в столице и

ожидали положительных перемен в своей жизни, то каким был их эмоциональный настрой в октябре 1917 г. – не известно. Можно лишь предположить, что они с тревогой следили за тем, что происходило, не имея возможности разобраться в перипетиях противостояния различных политических сил.

Революция 1917 г. подняла большевиков к вершинам власти. Она не смогла осуществить все те надежды, которые породила. Но, несомненно, она оказала большое воздействие на весь мир, как ни одно историческое событие нашей эпохи.

Литература

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 180.
2. ГАНИСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 182.
3. ГАНИСО. Ф. 142. Оп. 2. Д. 29.
4. ГАНИСО. Ф. 142. Оп. 2. Д. 103.
5. ГАНИСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 127.
6. Хики М. Город Смоленск в 1917 году: революция как политический процесс, вопросы и источники // Сталинизм в российской провинции. Смоленск, 1999.

Примечания

1. Даты приводятся по старому стилю.
2. Автор воспоминаний Н.Г. Буркин ошибается. Н.И. Суковкин занимал должность губернатора с 27 июня 1905 г. по 17 декабря 1912 г. В марте 1917 г. губернатором являлся К.А. Шумовский (с 1 сентября 1915 г. по 7 марта 1917 г.). Вице-губернатором до 17 июня 1917 г., действительно, являлся В.Ю. Фере. См.: Кононов В.А. Смоленские губернаторы. 1711 – 1917. Смоленск, 2004. С.375, 392.